

ДМИТРИЙ ФИЛИППОВ

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ. ГОЛОС БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Феномен Ольги Берггольц — это феномен попадания во время, как в яблочко. В блокадном городе были и другие поэты, не меньшего дара. Вообще о Берггольц, да простят меня её поклонники, можно говорить, как о крепком, талантливом поэте, но крупный поэтический дар, равный Ахматовой, Пастернаку, Мандельштаму, Луговскому, Корнилову у неё, конечно же, отсутствовал. А в блокадном Ленинграде, в войсках ленинградского фронта выживали и творили Михаил Дудин, Владимир Лифшиц, Елена Вечтомова. Да что там! Анна Ахматова застала кусок блокады перед эвакуацией в Ташкент. Но Ленинград выбрал Берггольц. Это её тихий голос давал измученным людям надежду, веру, воскрешал из мёртвых, вливал силы в окоченевшие руки и ноги. В чём её магия? В чём секрет? “Блокадная Мадонна”, “наша Оля”, “блокадная муза”... Из автора милых, но малоизвестных детских книжек и сценариев она, сама того не понимая и не желая, стала голосом Города. А Город не ошибается.

Попробуем разобраться в этом чуде.

Ольга Берггольц родилась 18 мая 1910 года, менее, чем через шесть месяцев после свадьбы родителей. Этому, конечно же, было объяснение. Фёдор Христофорович оказался честным молодым человеком и женился на девушке, зачавшей от него ребенка. Он перевёлся из Дерпта в Санкт-Петербург и продолжил обучение в Военно-медицинской академии. Не всё гладко было в их семье. Свекровь травила Марию Тимофеевну: за бедность, за зачатого в грехе ребёнка, просто за то, что она оказалась рядом с её сыном.

Маленькая Оля стала жить в доме Берггольцев на Палевском проспекте. Фёдор Христофорович снова перевёлся в Тартуский университет, а Мария Грустилина, оставив дочь на попечение бабушки и деда, уехала работать в Новгородскую губернию преподавательницей кройки и вышивки. Мария Тимофеевна вновь вернулась под крышу дома Берггольцев, когда забеременела во второй раз. В 1912 году она родила вторую дочь Марию, Мусю. Впоследствии в повести “Дневные звёзды” Ольга Берггольц много возьмёт из тех первых, детских воспоминаний, опишет Заставу, Углич, Петербург, уютный мещанский быт своей патриархальной семьи. И всё это будет вплетено в ткань блокадного города, в ежедневную смерть от голода и холода. И само это ощущение конечности жизни, страсти, взлётов, ежеминутного горения (как перед смертью, как в последний раз) станет центральным мотивом в её творчестве.

В 1914 году отец, окончивший Тартуский университет, был призван на фронт.

“В октябре 1915 года отец побывал дома. Привёз дочерям в подарок немецкую каску, всей семьей сходили в зоопарк и снялись в фотоателье: Христофор Фридрихович, Ольга Михайловна, Фёдор Христофорович, Мария Тимофеевна, Ольга и Муся.” (Н. А. Громова. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы. — М.: АСТ, 2017. — С. 14).

Но вскоре отец снова уехал на фронт и там встретил княжну Варвару Николаевну Бартеневу, работавшую сестрой милосердия. У них возник роман. Мария Тимофеевна догадывалась, что муж не очень-то стремится вернуться к семье, и это стало для неё ударом. Их брак медленно, но верно разрушается.

Революцию маленькая Оля Берггольц вспоминала впоследствии так: “Участок на углу Палевского и Шлиссельбургского проспекта сожгли почему-то не в феврале, а в октябре семнадцатого года, — вспоминала Ольга. — Утром мы ходили с мамой на проспект и видели, как ещё дымились развалины участка, а по Шлиссельбургскому мчались грузовики, в кузове которых, опираясь на ружья, стояли рабочие в кожанках и матросы, крест-накрест опоясанные пулемётными лентами, и ветер раздувал у них на груди огромные красные банты”. (Там же).

В 1918 году, когда жизнь стала особенно тяжёлой, свекровь прямо сказала невестке, что та должна сама искать себе и детям пропитание. Мария Тимофеевна с дочерьми уехала в Углич, где жили её родственники. Об этом периоде жизни у Ольги Берггольц остались самые яркие и светлые детские воспоминания. Несмотря на тяжёлые условия жизни (они поселились в келье Богоявленского монастыря), на недостаток хлеба, маленькая Оля своим опытным детским сердцем что-то узрела в суровых монастырских стенах, в людях, населявших монастырь, в самом неспешном угличском укладе... Это место было определённо сакральным для всей русской истории. И эту глубинную память (нет, не счастья, но возможности иной судьбы, иного человеческого предназначения, иных временных координат) она сохранила на всю оставшуюся жизнь.

Уже в Углич за ними приехал отец, красный командир, начальник медицинский военного поезда.

“Мне было десять лет, а сестре восемь, когда однажды утром я проснулась и вдруг увидела, что какой-то военный стоит посередине кельи, спиной к нашей кровати. Его красноармейская шинель была нараспашку, в правой руке он держал мешок, а левой обнял маму и, быстро похлопывая её по плечу, говорил негромко:

— Ну, ничего, ничего...

Невероятная догадка озарила меня.

— Муська, — закричала я, — вставай! Война кончилась! Папа приехал!

Тут папа обернулся, шагнул к нашей кровати, и мы оцепенели от страха: голова у него была бритая, лицо худое, тёмное и без усиков, а мы знали, что он должен быть с красивыми усиками и волнистыми волосами: мы почти семь лет — с тех пор, как он ушёл на войну ещё с германским царём Вильгельмом, — знали его по студенческому портрету и давно забыли, какой он — живой.” (Ольга Берггольц. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. — Л.: Художественная литература, 1990. — С. 220)

С отцом Ольге Берггольц пришлось знакомиться практически заново, заново узнавать его, привыкать к этому мужчине. Сложные отношения останутся у них надолго, пока новая война и новые испытания не толкнут их друг к другу, заставляя проснуться дремавший голос родной крови.

Фёдор Христофорович в 1921 году увёз жену и детей обратно в Петроград. Чтобы не попасть под уплотнение, в двухэтажный дом Берггольцев поселилась семья Грустилиных и ещё несколько близких, почти родственников семей. Дедушка Ольга, Христофор Берггольц, был выбран домоуправом. Ольга и Муся пошли в 117-ю школу на Шлиссельбургском проспекте. Оля начинает писать первые детские стихи. Мать трепетно относится к увлечению дочери, всячески поощряет и бережёт каждый исписанный неумелыми строфами листок.

Ольга растёт и взрослеет вместе с молодой республикой Советов, с её подвигами, с её трудностями. Как и сотни тысяч мальчишек и девчонок, чьё детство пришлось на смену эпох, она восторженно приняла новую жизнь,

идеи строительства коммунизма и братства народов. В этом не было карьеризма или подпевания общей линии. Это шло из глубины её души, искренне, с огромной верой в светлое будущее. Дети революции, не видевшие ужасов гражданской войны, смертей, братоубийственной бойни, — только они и могли построить новый светлый мир. А самое главное, они твёрдо знали, что ИМ суждено его построить.

В 1924 году умер Ленин.

“...смерть Ильича была для нашего поколения тем рубежом, с которого мы из детства шагнули прямо в юность, почти миновав ту тревожную, неопределённую пору, которую называют отрочеством... Я написала о том, что только было:

Как у нас гудки сегодня пели!

Точно все заводы

встали на колени.

Ведь они теперь осиротели.

Умер Ленин...

Милый Ленин...

... когда я написала своё самое первое стихотворение о революции, о Ленине, я прочитала его папе... Через два дня он пришёл с работы важный, даже какой-то напыженный, и в то же время явно ликующий — он совершенно не умел прятать радость, хоть на время прикрывать её важностью или безразличием, ему не терпелось раздать её другим. В то же время он не умел жаловаться на невзгоды — он стыдился, если был несчастен, точно сам был виноват в этом.

— Ну, Лялька, дела обстоят так... — важно начал он и тут же воскликнул, хлопая в ладоши: — Напечатали! Понимаешь, в нашей стенгазете напечатали! Сказали — отлично. Поздравляю. Теперь, пожалуй, ты настоящий поэт: напечатали.

Мне стало ужасно приятно и даже страшно. Я покраснела, выскочила в другую комнату и, закрыв глаза, расставив руки, немножко, но очень быстро покружилась, как тогда, когда была маленькой. Потом посмотрела на себя в трюмо: ну-ка, какая я стала после того, как моё стихотворение напечатали? Ведь я же теперь... настоящий поэт.” (Ольга Берггольц. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 3. — Л.: Художественная литература, 1990. — С. 308–312).

С этого момента начинается восторженность и одержимость революцией, жажда подвига, героизма. Ольге хочется броситься на баррикады, как герои Парижской коммуны. Всё это, безусловно, поощрялось в советской системе воспитания, в пионерских и комсомольских организациях, набиравших силу и массовость, но напрасно относить эту вовлечённость в советское настоящее только лишь к следствиям пропаганды. Для людей, на глазах которых творилась история, произошла смена вех и начался невиданный за всё время существования человечества эксперимент, слова Ленин, партия, коммуна, труд — не пустой звук. Молодые люди по всей стране вовлекались в процесс даже не строительства коммунизма, но конструирования новой реальности, в которой человек человеку — брат. И эта великая идея захлестнула их с ног до головы, понесла вперёд, навстречу новому будущему, которое просто обязано быть светлым. Не осталась в стороне от этих процессов и Ольга.

Её стихи и очерки появляются в газете “Ленинские искры”. В это же время шестнадцатилетняя Ольга начинает посещать литобъединение для рабочей молодёжи “Смена”. Занятия проходят несколько раз в неделю в Домпросвете, знаменитом Юсуповском дворце. Сюда приходили начинающие поэты Борис Корнилов, Геннадий Гор, Александр Решетов. Руководил “сменовцами” Илья Садофьев, поэт, ныне известный только литературоведам, а тогда — глава Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов, получивший благосклонную оценку своих стихов от самого Брюсова. Одним из руководителей “сменовцев” был Виссарион Саянов, чьи хулиганские и даже приклатнённые стихи были очень популярны в молодёжной среде того времени.

Ольгины же ранние стихи совершенно неотличимы от тысяч девичьих опусов, которые пишутся во все времена молодыми девушками 14–15 лет:

*Я дева белой молочной ночи,
Меня творили Невы напевы,
Гляди смелее, гляди мне в очи,
Ведь я, — не бойся! — ночная дева...*

Скромный талант просвечивает, как можно видеть из приведённого описания, но не более того.

Впрочем, Ольгу в “Смене” запомнили и отметили. В первую очередь, её внешность. Но и стихи с определёнными оговорками были приняты. Ольгу Берггольц зачислили в разряд “подающих надежды” — самый жуткий, страшный и бессмысленный разряд для поэта. В нём можно остаться до конца дней и так никогда и не выбраться в большую литературу. В это же время, в 1926 году, Ольга впервые слышит стихи Бориса Корнилова, одного из самых талантливых поэтов своего времени. Ей суждено будет стать его женой. Ему — её первым мужчиной, отцом её ребёнка. Их брак не продержится долго — слишком разные энергии в них бурлят, каждый из них — личность и поэт, не собирающийся быть подспорьем для второго. Но этот брак и эта первая любовь сыграют ключевую роль в судьбе Ольги Берггольц.

“Смена” входила в Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей (ЛАПП), которая, в свою очередь, являлась частью Российской ассоциации (РАПП). Во второй половине 1920-х годов это новое писательское объединение по своему размаху вытеснило все остальные писательские группы и течения. Ольга Берггольц совершенно сознательно и искренне влилась в организацию, претендовавшую на создание нового литературного кода молодой республики Советов. Судьба многих РАППовцев незавидна: РАПП так же, как и ряд других писательских организаций, была расформирована постановлением ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций” от 23 апреля 1932 года, введшим единую организацию — Союз писателей СССР. Впрочем, многие руководители РАПП (А. А. Фадеев, В. П. Ставский) заняли высокие посты в новом Союзе; однако многие другие были в конце 1930-х годов обвинены в троцкистской деятельности, репрессированы и даже расстреляны. И близкое знакомство с руководством РАППа впоследствии сыграло трагическую роль в судьбе Берггольц.

Достаточно извилистым путём складывается её литературная судьба в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Сначала приехавший из Москвы один из руководителей РАППа Юрий Либединский исключает её из организации за незнание жизни рабочего класса. Затем он же советует ей через некоторое время подать заявление на восстановление. Ольга восстанавливается в организации. Параллельно ищет знакомства с известными писателями и литературными начальниками: посещает квартиру Анны Ахматовой, читает ей свои стихи; тесно общается с Либединским; знакомится с Леонидом Авербахом, с которым у неё завязывается лёгкий роман. Ольга ведёт богемно-советскую жизнь, если можно так выразиться. Не чуждается бюрократических, аппаратных и откровенно заказных статей, посещает “правильные компании”, то здесь мелькнёт, то там её заметят, обмолвятся, порекомендуют. В её защиту следует добавить, что это был естественный образ жизни для молодого литератора советской эпохи. Подобное поведение не вызывало осуждения. Всё было в рамках заданных правил игры. К слову, ничего не изменилось в нашей действительности с тех пор. Разве что сменился вектор “правильных” компаний, организаций и площадок для публикации.

В 1928 году она выходит замуж за поэта Бориса Корнилова. Ольга вспоминала о начале их отношений: “В литгруппе “Смена” в меня влюбился один молодой поэт, Борис К. Он был некрасив, невысок ростом, малокультурен, но стихийно, органически талантлив... Был очень настойчив, ревнив чудовищно, через год примерно после первого объяснения я стала его женой, ушла из дома”. (Н. А. Громова. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы — М.: АСТ, 2017. — С. 25)

И ещё: “Борис, весь содрогавшийся от страсти, сжав и целуя меня, шептал: “Моя?... Моя?... Хочешь быть моей? Только моей, а я — только твоим? ...? И я сказала: “Да, хочу” <...> а он, впившись мне в губы, рукой так терзал грудь, что я кричала и выбивалась, но он был совсем, как зверь...” (Там же)

Чутьё не обмануло Ольгу. Корнилов был действительно одним из самых талантливых поэтов своего поколения. Их брак продлился всего два года, был тяжёлым, изматывающим для обоих. Борис ревновал и много пил. Ольга не желала жертвовать молодостью и талантом ради мужа; роль “подруги поэта” её не устраивала. Она сама строила свою биографию, если не равно-великую, то совершенно точно самостоятельную. Сохранилась их совместная фотография: Ольга словно выглядывает из снимка, подаётся вперёд и смело, с некоторым вызовом смотрит на мир, а Корнилов, наоборот, со своим узнаваемым, чуть приспущенным правым веком говорит всем своим видом: суета сует, копошеньё и детский лепет... Пусть такими они и останутся в нашей памяти.

Берггольц ищет собственный голос. В её ученических тетрадях, наряду со стихами собственного сочинения, обильные выписки с цитатами Блока, Некрасова, Пушкина, Пастернака, Гумилёва, Ахматовой, А. Белого, Асеева, Уитмена, Верхарна. Из прозаиков – цитаты Толстого, Достоевского, Лескова, Чехова, Леонова, Эренбурга, Федина.

До конца 1930-х годов в стихах Ольги Берггольц легко видится влияние старших поэтов: Есенин (стихотворение “Предчувствие”, “Не жалея ты меня, не жалея...”) и Ахматова (“Осень 1927 года”, “Хоть что-нибудь придумай...”), Маяковский (например, “Среда”) и Блок (“Как я часто удивлялась”), да и другие, менее значительные поэты (например, М. Шефер, стихотворение которого “Война”, опубликованное в 3-м номере “Резца” за 1927 год, перекликается с “Войной” Берггольц). Впрочем, для любого большого поэта этап заимствования неизбежен. “Воруя” у великих, писатель и поэт растёт сам, ищет свой путь, набирает голос.

В 1928 году у Ольги Берггольц родилась первая дочь Ирина. Забегая вперёд, скажем, что счастье материнства будет пронзительным и недолгим в её судьбе и станет определённой вехой, этапом, после которого перед нами предстанет совершенно другая Берггольц: с искалеченной душой, разбитым, выжженным нутром и взятой новой поэтической высотой. Потому что, хорошо это или плохо, но поэт за свои строчки платит всей жизнью, всей судьбой, всем своим существом. Только тогда эти строчки набирают вес и будоражат сердца людей.

Дикая, разнузданная сила Бориса Корнилова, ярко выраженное грубое, мужское начало в какой-то момент становятся невыносимыми для Ольги. В 1929 году его исключают из комсомола. Корнилов много пьёт, ударяется в загулы. А Ольга совершенно осознанно выбирает свою дорогу вместе с партией, с РАППом. Само время всё дальше разводит их друг от друга.

Юрий Либединский, ухаживавший в это время за Марией Берггольц, писал ей 25 февраля 1930 года: “Я недоволен, что Борис и Ольга помирились. И ты не дружи с Борисом. Бывают люди, которых нужно, чтобы они были хорошие, – ласкать. А бывают – которых надо бить. Он принадлежит ко вторым. Кстати, я это понял благодаря тебе, благодаря твоим рассказам о нём. Надо, чтобы ему стало плохо, тогда он поймёт, чем может быть для него Ольга и чем – он сам. Мне кажется, что в интересах Оли – да и, пожалуй, Бориса, – чтоб они не мирились. Ну, впрочем, это их семейные дела”. (Н. А. Громова. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы. – М.: АСТ, 2017. – С. 26)

Память об этой любви-страсти, любви-уничтожении надолго останется в сердце у обоих поэтов. Корнилов в поэме “Моя Африка” так будет вспоминать Ольгу:

*Вы все такие —
в кофточках из ситца,
любимые, —
другими вам не быть, —
вам надо десять раз перебеситься,
и переплакать,
и перелюбить.
И позабыть.
И снова, вспоминая,
подумаешь,*

*осмотришься кругом —
и всё не так,
и ты теперь иная,
поёшь другое,
плачешь о другом.
Всё по-другому в этом синем мире,
на сенокосе,
в городе,
в лесу...
А я запомню года на четыре
волос твоих пушистую лису.
Запомню всё, что не было и было.
Румяна ли? Румяна и бела.
Любила ли? Пожалуй, не любила,
и всё-таки любимая была.*

(Корнилов Б. П. Стихотворения. Поэмы / Сост. С. В. Музыченко. — М.: Советская Россия, 1991)

Разводятся они в 1931 году, хотя фактически уже год не живут вместе, у каждого из них своя жизнь. Напомню, что Ольге на тот момент — 21 год. Борису Корнилову — 23. А они оба уже поэты.

На этот образ-воспоминание в поэме “Моя Африка” Ольга Берггольц ответит Корнилову в 1939 году, когда уже умрёт в возрасте семи лет их дочь Ирина, когда сама Ольга пройдёт издевательства и пытки в тюрьме НКВД.

*О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь,
а может, узнаешь? Скажи!
Не стану прощенья просить я,
ни клятвы
напрасной не стану давать.
Но если — я верю — вернёшься обратно,
но если сумеешь узнать, —
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоём, —
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою — о чём.*

Обратно Корнилов не вернётся. На момент написания стихотворения он будет уже год как расстрелян “за участие в троцкистском заговоре”. Ольга не знала об этом, поэтому и обращается к бывшему мужу как к живому.

В 1930 году она познакомилась с Николаем Молчановым — будущим мужем и главной любовью всей её жизни. Оба — студенты филологического факультета Ленинградского университета. “Он с первого взгляда ей понравился. Молчанов отвечал всем её представлениям об идеальном советском человеке. Он был аскетичный, честный, порядочный и настоящий комсомолец. Именно такого мужчину Ольга хотела видеть рядом с собой. “Донской казак по происхождению, высокий, удивительно ладный, он был необычайно, строго и мужественно красив, и ещё более красив духовно”, — писала она в автобиографии.” (Н. А. Громова. Ольга Берггольц: Смерти не было и нет. Опыт прочтения судьбы. — М.: АСТ, 2017. — С. 32)

После учёбы их вместе отправляют в Казахстан по распределению корреспондентами газеты “Советская степь”. Собственная молодость звучит в унисон с грандиозными задачами строительства молодой республики. На казахские мотивы Ольга напишет через несколько лет повесть “Журналисты”, одним из героев которой будет Михаил Якорев. Прототипом этого персонажа стал журналист Леонид Дьяконов, родственник Николая Заболоцкого, печатавшийся под псевдонимом Анк. Все трое — близкие товарищи, делающие одно дело. Они выезжают на поля, на сбор хлопка, описывают строительство социализма в Казахстане в правильном идеологическом ключе, хотя не могут не видеть, как идёт коллективизация в Средней Азии, сколько приписок, разгильдяйства,